

В. В. Бубликов¹, Н. В. Люля²

¹Белгородский государственный национально-исследовательский университет, г. Белгород

²Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Результаты полевых исследований среди жителей с русско-украинской этнической идентичностью в регионах России¹

Аннотация. В статье рассматриваются результаты, полученные в ходе полевых исследований в 2020–2021 гг. членами научного коллектива в рамках реализации проекта по изучению множественной русско-украинской идентичности в регионах России. Комплексный подход позволил провести количественное и качественное исследование за счет разработанной авторской методики сбора информации (2020 г. — интервью, 2021 г. — анкетирование). Полученные материалы позволяют говорить о специфике этнической самоидентификации (более 40 наименований) с выявлением причин, оказавших влияние на формирование русско-украинской идентичности, а также рассмотреть лингвистическую ситуацию, межэтнические отношения в среде русско-украинского населения в пяти регионах России. **Ключевые слова:** этническая идентичность, множественная этническая идентичность, биэтноры, русско-украинское население, Россия.

Вопросы изменения этнической идентичности как части этнических процессов в полиэтничных регионах России в последние годы вызывают большой интерес среди исследователей. Активизация в современных обществах социальных процессов позволяет говорить о появлении большого числа людей, идентифицирующих себя одновременно с несколькими этническими группами. Эти процессы уже вызвали оживленную дискуссию в научном сообществе. Так, активно обсуждается вопрос о методологии сбора сведений об этническом составе населения России при проведении переписей населения.

В. А. Тишков предлагает предоставить жителям возможность указывать несколько этноидентичностей, что особенно актуально для представителей этнически неоднородных семей [1]. При этом несмотря на активные дискуссии многочисленные группы «смешанного» населения с множественной идентичностью остаются малоизученными.

Украинцы в России являются одной из самых крупных этнических групп и составляли в 2010 г. 1 927 988 чел., среди которых 1 922 155 чел. владеют русским языком [2]. При этом по данным последних переписей населения можно говорить об их быстром численном сокращении с 4,4 млн в 1989 г. до 1,9 млн в 2010 г., что связано прежде всего с про-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

цессами ассимиляции. В связи с этим группа украинского населения является интересным объектом для изучения формирования множественной русско-украинской идентичности.

С 2020 г. коллектив исследователей из нескольких субъектов Российской Федерации реализует исследовательский проект «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности», целью которого является комплексное исследование особенностей самосознания и этнокультурных характеристик населения России с множественной русско-украинской этнической идентичностью, выявление ее региональных особенностей и потенциала воспроизводства. Научным коллективом разработаны и апробированы авторская методика и инструментарий для проведения качественного и количественного социологического исследования.

В 2020 г. основным методом полевой работы стало проведение глубинных структурированных интервью с респондентами с русско-украинской этноидентичностью (выборка 100 чел.), а в 2021 г. – массовый социологический опрос (выборка 800 чел.) в пяти субъектах РФ (Центральная Россия – Белгородская и Воронежская обл.; Сибирь – Алтайский край и Омская обл.; Дальний Восток – Приморский край). Сбор информации осуществлялся на территориях дисперсного проживания биэтнических жителей, т. е. в региональных столицах (Белгород, Воронеж, Барнаул, Омск, Владивосток) и на территориях компактного проживания биэтносов, в малых городах и сельской местности (соответственно Краснояружский, Россошанский, Романовский, Павлоградский, Хорольский районы).

Анализ результатов, полученных в ходе проведения полевых исследований, позволил выявить как общие тенденции, так и региональные особенности в представлении о собственной этнической идентичности, факторах, оказывающих влияние на изменение этничности в течение жизни, лингвистической ситуации, этнических чувствах в различных контактных аудиториях, представлениях об историческом нарративе и межэтнических отношениях.

Смешанная или двойная этническая идентичность зафиксирована в самых различных вариациях, выявлено более 40 вариантов определения этничности в рамках соотношения русской и украинской компонент, около 20 из них – в сибирских регионах (Омская область и Алтайский край). Наиболее часто встречались следующие ответы: «и русский(-ая), и украинец(-ка)» – 23%; «хохол/хохлушка» – 9%, «русский(ая) с украинскими корнями» – 6%, «преобладает украинская [национальность], но и русская тоже» – 6% и т. д.

Большинство опрошенных воспринимает свою биэтничность скорее нейтрально-позитивно, случаев негативного отношения к биэтничности крайне мало. Три четверти информантов полностью или частично ассоциирует себя с этнонимом «хохол», особенно часто данный ответ фиксировался в регионах Сибири и Европейской части, реже – на Дальнем Востоке.

Распространение двойственной этнической идентичности, в частности добавления к украинской идентичности идентичности русской, связано с целым рядом как внутренних, так и внешних факторов. Полевые исследования позволили собрать различные варианты объяснения причин изменения ощущения и оценки собственной национальности. Эти причины следующие: интерес к истории своей семьи, корням, языку; членство в фольклорных коллективах и национально-культурных объединениях; смена места проживания – переезд из села в город, переезд из Украины в Россию, длительное проживание на территории России, обучение в образовательных организациях разного уровня; служба в армии, посещение Украины. При этом только в Омской области и Алтайском крае было зафиксировано около 20 таких мнений. «В детстве была украинкой, а в город пошла учиться – там уже русско-украинка», «Раньше я не понимала, что означает быть украинкой, считала себя русской, а заинтересовалась историей семьи и поняла, что больше украинка», «Когда родилась, я только знала, что мы русские, но потом уже, когда столкнулась с фольклором, я уже стала понимать, что и украинка тоже» и др.

Одной из главных причин сохранения двойной идентичности, особенно в сельской местности, в местах компактного проживания биэтноров, является использование ими смешанного русско-украинского языка – суржика, или «хохляцкого» языка (термин «суржик» они практически не используют). В крупных городах русско-украинское население в большинстве перешло только на русский язык, и сохранение их украинской компоненты этничности ими самими объясняется прежде всего происхождением.

Полевые материалы свидетельствуют о ситуации несбалансированного близкородственного билингвизма, когда русский язык более востребован, чем «хохляцкий» или украинский [3, с. 127], в силу институционализированных преимуществ русского языка как официального. Как правило, представители старшего поколения в большей степени владеют суржилом, чем молодежь.

Русско-украинские биэтноры существенно лучше осведомлены об исторических персонах из истории России, нежели Украины. Историю России для них олицетворяют прежде всего военно-политические де-

ятели, а представители культурной элиты занимают периферийное место. История Украины, напротив, в примерно равной степени ассоциируется как с политиками и военачальниками, так и с деятелями культуры.

Такое восприятие истории двух стран находит отражение и в идентичности биэтноров: русская часть этничности связывается ими прежде всего с государством и теми эмоциями, которые олицетворяет государство (гордость за страну, патриотизм и т. п.); украинскость, напротив, чаще описывается более интимными, семейными эмоциями.

Опрошенные респонденты в подавляющем большинстве воспроизводят исторический нарратив, доминирующий в современной российской (у старшего поколения – в позднесоветской) историографии, они имеют более широкие представления об истории России, нежели Украины.

Таким образом, результаты полевых исследований среди жителей нескольких регионов России с двойной русско-украинской этничностью показывают следующее.

1. Жители с русско-украинской идентичностью составляют значительную долю в населении регионов проведения исследования. По нашим оценкам, в районах их компактного проживания (сельская местность и малые города) они составляют от четверти (в районах традиционного поселения в Приморском крае) до более чем половины жителей (максимальная доля – на юге Воронежской и Омской областей). В крупных городах – региональных центрах – их долю выявить сложнее, тем не менее мы оцениваем ее числом от около 5% во Владивостоке до 15–20% в Белгороде. В Омске, Барнауле и Воронеже доля русско-украинских биэтноров составляет около 10%.

2. Формулируя ответ на вопрос о своей национальности, респонденты используют множество разнообразных формулировок, которые практически во всех случаях описывают различное соотношение русской и украинской этничности, при одновременной ассоциации большинством с этнонимом «хохлы». Большинство воспринимает этноним «хохлы» как нейтрально-позитивный (без негативной коннотации) и использует его как самоназвание, т. е. в их понимании «хохлы» – это что-то среднее между русскими и украинцами. При этом случаи восприятия этнонима «хохлы» как оскорбительного также присутствуют (прежде всего среди горожан и уроженцев Украины), есть также и те, кто воспринимает «хохлов» как отдельную этногруппу, дистанцируя их и от русских, и (особенно) от украинцев, однако такие мнения пребывают в безусловном меньшинстве.

3. Около половины респондентов заявляют об изменении соотношения русской и украинской компонент в своей идентичности в течение жизни. При этом количество лиц, у которых возросла их русскость или украинскость, примерно равно (соответственно 28 и 21 чел. из 100 респондентов). Главным фактором роста русской компоненты этноидентичности респонденты называют влияние русскоязычной среды, как правило, вследствие миграции (либо из Украины в Россию, либо из «украинского» села в «русский» город). Главным фактором роста украинской компоненты этничности респонденты называют интерес к своей родословной, корням. Такие респонденты часто уже не знают украинского или «хохлацкого» языка предков, но интерес к своему этническому происхождению пробуждает у них украинскую составляющую идентичности.

V. V. Bublikov¹, N. V. Lyulya²

¹Belgorod State University, Belgorod

²Altai State Pedagogical University, Barnaul

Results of field studies among residents with Russian-Ukrainian ethnic identity in the regions of Russia

Abstract. The article examines the results obtained in the course of field research in 2020–2021 by members of the research team as part of a project to study multiple Russian-Ukrainian identity in a few regions of Russia. An integrated approach made it possible to conduct a quantitative and qualitative research due to the developed author's methodology for collecting information (2020 — interview, 2021 — questionnaire). The materials obtained allow us to speak of the specifics of ethnic self-identification (more than 40 formulations), with the identification of the reasons that influenced the formation of the Russian-Ukrainian identity, and also to consider the linguistic situation, interethnic relations among the Russian-Ukrainian population in five regions of Russia.

Keywords: ethnic identity, multiple ethnic identity, biethnors, Russian-Ukrainian population, Russia.

Источники и литература

1. Тишков В. А. Перепись населения и меняющиеся идентичности. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_02.html. (дата обращения 30.10.2021).
2. Федеральная служба государственной статистики. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-03.pdf (дата обращения 30.10.2021).
3. Свидовская А. С. Языковая ситуация среди населения с биэтнической русско-украинской идентичностью на юге Западной Сибири // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 12 (80). С. 123–128.